

КНИГИ
ДЖЕЙМСА ХЭРРИОТА

О всех созданиях —
больших и малых

О всех созданиях —
прекрасных и разумных

О всех созданиях —
мудрых и удивительных

И всех их создал Бог

Вечное чудо жизни

Кошачьи истории

Вступление

Кошки всегда занимали большое место в моей жизни, и когда я рос в Глазго, и когда занимался ветеринарной практикой среди холмов Йоркшира. Вот и теперь, когда я ушел на покой, они по-прежнему делают мои дни светлее.

Собственно, даже профессию ветеринара я выбрал отчасти из-за них. Мои школьные годы прошли под знаком Дона, великолепного ирландского сеттера. Без малого четырнадцать лет мы с ним бродили по шотландским холмам, но когда возвращались с прогулок домой, меня всегда радостно встречали мои кошки — выгибая спины, вились у моих ног, мурлыкали, терлись мордочками о мои руки.

Дома у нас постоянно жили кошки, и каждая обладала своим особым обаянием. Я любил их всех за врожденную грациозность, неподражаемое изящество, за глубокую привязанность, которой они отвечали на ласку, и мечтал о том дне, когда, поступив в Ветеринарный колледж, буду знать о них все. Их шаловливость также служила постоянным источником радости. Например, Топси — проказница, всегда готовая затеять игру. Вот она бочком, пританцовывая и лукаво насторожив ушки, подбирается к Дону. Он не выдерживает, прыгает на нее, и начинается веселая возня.

Порой та или иная кошка заболела, к ней вызывали ветеринара, и я взирал на него с робким благоговением: ведь он досконально изучил всю кошачью породу, знал каждый их нерв, каждую косточку, каждую мышцу!

И я был ошеломлен, когда, став студентом, обнаружил, что мои возлюбленные кошки абсолютно не интересуют светил ветеринарии. Мои учебники

включали солиднейший том — «Анатомию домашних животных» Сиссона. Снимать его с полки было нелегкой задачей, а носить с собой и подавно. Я с нетерпением перелистал его страницы, изобиловавшие изображениями внутренностей лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки — строго в этом порядке. Собаку втиснули туда с заметным трудом, а кошку мне вообще обнаружить не удалось. Отчаявшись, я заглянул в указатель.

На «С» — ничего. А! Наверное, следует искать на «F»: *Felis catus* — кошка домашняя. Но и тут меня подстерегало разочарование, и я был вынужден с грустью прийти к заключению, что мои бедные пушистые подружки не удостоились даже беглого упоминания.

Я никак не мог взять это в толк. А как же тысячи старичков и старушек, не говоря уж о прикованных к постели хронических больных, которые черпают радость и утешение в любви своих кошек? Ведь других четвероно-

гих друзей они просто не в состоянии держать. О чем думают именитые светила моей науки? Да они попросту отстали от времени. «Анатомия» Сиссона вышла в 1910 году и переиздавалась вплоть до 1930 года — это-то еще пахнущее типографской краской издание я и штудировал в мои студенческие годы. И хотя моя профессиональная жизнь прошла главным образом в лечении крупных животных, мечтал-то я стать собачьим доктором. Однако колледж я окончил в разгар Великой депрессии тридцатых годов, когда найти хоть какую-то работу по специальности было великой удачей, — вот мне и пришлось трудиться в резиновых сапогах среди холмов Северного Йоркшира. Трудился я так пятьдесят лет и наслаждался каждой минутой. Однако вначале я полагал, что мне будет очень не хватать моих кошек.

Но я ошибся. Кошек там было полным-полно. На каждой ферме они имелись во множестве — истребляли мы-

шей и в условиях деревенской свободы вели полноценную кошачью жизнь. Кошки — великие ценители комфорта, и, осматривая корову, я частенько обнаруживал в сене уютное гнездышко с котятами, усердно сосущими мать. То они спали, свернувшись клубком среди тючков соломы, то нежились на солнышке в каком-нибудь укромном уголке. Для этих любительниц тепла нагретый капот моей машины оказывался в студеные зимние дни непреодолимым соблазном. Не успевал я вылезти из машины, как на ней уже восседала парочка кошек. Многие фермеры попросту любили кошек, и в их дворах, возвращаясь к машине, я обнаруживал, что нежданном теплом на ней наслаждаются десятка два пушистых созданий. Нагретый металл до последнего дюйма был испещрен отпечатками грязных лапок. Эти узоры быстро высыхали, а поскольку у меня не было ни времени, ни желания мыть машину, они оставались ее постоянным украшением.

Да и в нашем городке, бывая по вызовам в скромных домишках, я часто видел старика или старушку с кошкой, свернувшейся у них на коленях или восседающей возле них у очага. В старости такая дружба значит очень много.

Иными словами, в кошках недостатка не было, и тем не менее в нашей науке в те годы места для них не находилось. Но постепенно положение начало изменяться. Преподаватели в ветеринарных колледжах стали включать кошек в свои лекции, и я усердно расспрашивал студентов, проходивших у нас практику, а позднее, когда мы обзавелись молодыми помощниками, которых распирало от свежеполученных знаний, я набрасывался и на них. Да и в ветеринарных журналах все чаще появлялись статьи о кошках, и я старался не пропустить ни одной.

Так продолжалось пятьдесят с лишним лет моей ветеринарной жизни, и теперь, на покое, я часто оглядываюсь назад и думаю о произошедших за это

время перемен. Признание кошек, естественно, было лишь малой толикой на фоне подлинного взрыва, преобразившего мою профессию. Появление антибиотиков, покончивших с почти средневековыми снадобьями, какие приходилось выписывать, новые хирургические методики и вакцины — все это кажется сбывшейся мечтой.

Сегодня кошки стали, пожалуй, наиболее популярными четвероногими друзьями. Именитые ветеринары пишут о них солидные тома, а многие — так просто специализируются на кошках.

На столе, за которым я пишу, выстроился длинный ряд учебников моей далекой юности. Среди них высится и Сиссон, по-прежнему импозантный, и все остальные, которые я сохраняю для освежения воспоминаний о былом, а то и просто чтобы посмеяться, когда приходит такое настроение. Однако бок о бок с ними стоят прекрасные новые книги, посвященные кошкам, и только кошкам.

Вспоминаются мне и странные представления некоторых людей о кошках. Дескать, это эгоистичнейшие создания, корыстные в своих привязанностях и неспособные на самоотверженную любовь, которую дарит своему хозяину собака. Они сосредоточены исключительно на себе и заботятся только о собственных интересах. Какая чепуха! Кошки терлись мордочками о мои щеки, гладили мое лицо лапками с тщательно втянутыми когтями. Это ли не проявление любви?

Сейчас у нас в доме кошек нет, потому что наш бордер-терьер Боди их не жалует и обожает гоняться за ними. Впрочем, в погоню он бросается, только если они сами пускаются наутек, поскольку, хотя Боди и рвется в бой с любым псом — и маленьким, и большим, кошек он втайне побаивается. Если кот принимает воинственную позу, Боди обходит его далеко стороной. Но когда он спит — а в свои тринадцать лет он любит поспать подольше, — нас навещают соседские кошки и усажи-

ваются на невысокой опорной стенке перед окном кухни — посмотреть, какое угощение им перепадет на этот раз.

Мы приберегаем для них всякие лакомства, которые раскладываем на стенке, однако великолепный бело-рыжий кот предпочитает ласку любым яствам. Порой мне приходится прямо-таки драться с ним, чтобы он в своем стремлении уткнуться носом мне в ладонь под громкое мурлыканье не выбил у меня из рук картонку с угощением. И я вынужден гладить его, почесывать и щекотать под подбородком, чего он и добивается.

По-моему, отойдя от дел, ни в коем случае не следует возвращаться туда, где протекала твоя трудовая жизнь. Разумеется, Скелдейл-хаус для меня нечто несравненно большее. Это место тысяч и тысяч воспоминаний, где я делил свои холостые дни с Зигфридом и Тристаном, где я начал свою семейную жизнь и видел, как мои дети из младенцев становятся взрослыми, и полвека торжествовал победы и тер-

пел поражения, неотъемлемые от ветеринарной практики. Но я заглядываю туда только затем, чтобы забрать мою почту, ну и, конечно, мельком посмотреть, как идут дела.

Моя практика перешла к моему сыну Джимми и его замечательным молодым партнерам. Недавно я посидел в приемной, наблюдая за непрерывным потоком мелких животных, которых приводили и приносили для осмотра, операций, прививок. Как не похоже это на первые годы моей работы, когда на девяносто процентов нашими пациентами были лошади, крупный рогатый скот и овцы.

После я спросил у Джимми:

— С какими животными вам приходится иметь дело чаще всего?

Он на секунду задумался, а потом ответил:

— Пожалуй, с собаками и кошками — пятьдесят на пятьдесят, но, по моему, кошки начинают вырваться вперед.

Альфред.
Кот при кондитерской

Горло, казалось, вот-вот меня доконает. Три ночных окота подряд на открытых всем ветрам склонах завершились сильнейшей простудой. Да и работал я, естественно, без пиджака, а потому теперь настоятельно и незамедлительно нуждался в леденцах от кашля Джеффри Хатфилда. Бесспорно, лечение не слишком научное, но я по-детски верил в силу этих леденчиков, которые во рту взрывались и загоняли в бронхи целительные пары.

Лавочка пряталась в тихом переулке и была такой крохотной, что над окном еле-еле достало места для вывески «Джеффри Хатфилд, кондитер». Но в маленьком помещении яблоку негде

было упасть — как всегда. Хотя, поскольку день был рыночный, теснота, пожалуй, превосходила обычную.

Когда я открыл дверь, чтобы вклиниться в гущу городских дам и фермерских жен, колокольчик над ней мелодично звякнул. Мне пришлось подождать, но я ничего не имел против, так как наблюдать мистера Хатфилда за работой всегда было наслаждением.

И вошел я в самый удачный момент — владелец как раз пытался в душевных муках решить, что именно требуется его клиентке. Он стоял спиной ко мне, слегка кивая седовласой львиной головой, крепко сидящей на широких плечах, и озирали высокие банки со сладостями у стены. Заложённые за спину руки то напрягались, то расслаблялись, отражая внутреннюю борьбу. Затем он прошел вдоль ряда банок, внимательно вглядываясь в каждую. «Лорд Нельсон, — решил я, — расхаживая по кварталдеку „Виктории“ в размышлении о том, какую тактику боя избрать,